

Ирина Верехтина

Воспоминания о юности

Маленькая повесть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Верехтина
Воспоминания о юности

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Верехтина И.

Воспоминания о юности / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Кто сказал, что юность уходит навсегда? Она продолжается в нас, горит живым костерком, согревая сердце воспоминаниями о будущем, в которое мы верили так искренне и безоглядно. Даже несбывшееся, не случившееся - оно навсегда остаётся с нами и превращается в воспоминания, которые как звезды - никогда не погаснут. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Вика	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Часть 1. Вика

Вика приходила на работу раньше всех. Открывала тяжелые фрамуги полуподвальных окон и с минуту стояла у окна, подставив лицо под струю холодного воздуха. Потом принималась расставлять на полках пухлые пенсионные дела.

В архив пенсионного фонда Вика попала случайно, когда металась в поисках работы на полставки, но на полставки ее нигде не брали, а сюда – взяли, архивариусом. Важное и значительное слово «архивариус» применительно к пенсионному фонду расшифровывалось просто: принеси – отнеси – поставь на место. Вика никогда бы не согласилась на такую работу, но у мамы отказали ноги, а ухаживать за ней было некому. Так уж сложилась жизнь, они с мамой остались вдвоем, и Вика со страхом думала, что когда-нибудь мамы не станет, и она останется одна. Но такие мысли она позволяла себе редко.

Полставки – это четыре часа рабочего времени, которые Вика проводила в одиночестве. С сотрудниками пенсионного фонда она практически не общалась: молча брала оставленные для нее журналы приема граждан, подбирала по ним в архиве пенсионные дела, разносила по кабинетам. Потом уносила обратно в архив и расставляла по полкам. Так получилось, что единственными ее собеседниками были – эти самые дела. За каждой картонной обложкой открывалась чья-то жизнь, чья-то судьба. Это было интересно, и Вика, когда у нее выкраивалась свободная минутка, заглядывала, словно в щелочку, в чужую жизнь...

«Трудовая книжка. Чечель Зоя Викентьевна. Место рождения – город Алушта, Республика Крым. Специальность: повар-кондитер. Окончила Алуштинское кулинарное училище.

1972 год – принята поваром 3 разряда в ресторан «Волна» Алуштинского треста ресторанов и столовых, в 1974 году присвоена квалификация повара 4 разряда.

1980 год – принята поваром госпитальной кухни войсковой части 3712. Присвоен 5 разряд.

1983 год – Алуштинский военный санаторий. Повар 5 разряда. Принято торжественное клятвенное обязательство...»

Вике стало смешно: ну какое клятвенное обязательство может дать повара? Разбавлять щи-борщи только кипяченой водой? Или – вообще не разбавлять... Об этом никто не узнает: военная тайна!

А вот другое дело: «Никифорова Виктория Витальевна, год рождения 1957. Образование высшее. Профессия: инженер-механик...» – Надо же, она тоже Виктория, и тоже – Витальевна! Вика сунула любопытный нос в трудовую книжку. До 1991 года ее тезка работала по специальности – ведущим инженером в НИИЖТ. Дальнейшая карьера инженера-механика соответствовала известному изречению «пути господни неисповедимы»:

1991 год – принята киоскером в «Союзпечать», оплата сдельно-премиальная.

1993 год – зачислена на должность продавца вино-водочного отдела в ТОО «Букет».

1995 год – принята в школу № 213 г. Москвы на должность воспитателя группы продленного дня, в 1999 году переведена на должность учителя физики и математики».

Учитель?! – Вика глазам своим не поверила. Но подпись директора школы и гербовая печать на справке впечатляли. Вике было жалко учеников инженера-механика (или киоскера? или продавщицы спиртного?). Она их научит, «как в милицию попасть»...

А вот еще одно, совсем тоненькое – «Радванский Игорь Паулевич. Специальность: артист балета. Окончил Ленинградское хореографическое училище имени Вагановой в 1978 году. Работал с 1978 года – в Ленинградском театре оперы и балета...» Вика полистала трудовую книжку, и у нее захватило дух – неведомый Радванский танцевал во всех Викиных любимых ансамблях:

1980 год – принят артистом балета в ансамбль «Хореографические миниатюры».

1985 год – принят солистом балета в ансамбль «Ритмы планеты».

1988 год – принят солистом в ансамбль «Русский сувенир»...

Задохнувшись от восторга, Вика открыла страницу с копией паспорта. С фотографии на нее смотрел светловолосый парень – Викин ровесник. Пенсию по выслуге лет балетным платили с тридцати шести лет. Вика с сожалением поставила дело на полку. Она была неравнодушна к тем, чьи профессии были творческими (как у самой Вики, окончившей редакционно-издательский факультет отделения журналистики Полиграфического института).

Темой ее дипломного проекта был очерковый жанр, а после окончания института Вика работала в журнале «Колос» – писала очерки о жизни села. Очерки у нее получались яркие, нестандартные. Вику хвалили. Но все это было потом. А сначала – в редакцию «Колоса» пришла двадцатитрёхлетняя выпускница журфака и гордо предъявила диплом. Диплом был красный.

– Отличница, значит? – зачем-то спросил Вику главред. – Ну, поглядим, чему вас в институте учат. – И зачислил Вику в штат, корреспондентом в одну из редакций журнала. Вика страшно гордилась тем, что она штатный корреспондент. Ее переполняли творческие идеи и грандиозные планы... Но оказалось, что все уже распланировали за нее, поручив ей написать серию очерков о сельских механизаторах.

– А где они, механизаторы? – робко спросила Вика.

– Механизаторы? Знамо дело, на селе, – ответил зав. редакцией. Он был рад приходу молодого специалиста, потому что старый (в переносном и в прямом смысле) состав редакции ехать «на село», знамо дело, не хотел. А ехать надо – раз такую рубрику поставили в план. Появление Вики было очень кстати: ей и поручили новую рубрику. И для домашней девочки Вики началась новая, «взрослая» жизнь и бесконечные командировки – не в обжитое уютное Подмоскovie, а в самые забытые уголки земли русской, где и обретались сельские механизаторы...

Вике тогда досталось... Она-то думала, что всему научилась и все умеет, а ей пришлось привыкать к трудностям, учиться терпению и изобретательности, осваиваться в новой обстановке (каждый раз – в новой!) и самой, без подсказок, принимать решения. Как говорил главред, поднимать целину. Вика привыкла. Но свою первую командировку запомнила на всю жизнь. Не зря говорят – первый блин комом...

... Поезд давно ушел, а Вику так никто и не встретил. Она топталась по занесенной снегом платформе и не знала, что делать, куда идти. К платформе примыкала будка. Железнодорожный вокзал местного масштаба – определила Вика. Память услужливо напомнила ей Самсона Вырина, станционного смотрителя из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», которые Вика знала почти наизусть. Она подергала дверь, но в будке никого не оказалось, а на двери висел замок. Ничего, она подождёт.

Привалившись спиной к заиндевевшим доскам крыльца и стараясь не думать о пронизывающем ветре, Вика прикрыла глаза, вспоминая пушкинские строки: «Нет людей несчастнее станционных смотрителей, ибо во всех своих неприятностях путешествующие непременно винят смотрителей и стремятся на них выместить свою злость по поводу плохих дорог, несносной погоды, скверных лошадей и тому подобного. А между тем смотрители – это большей частью кроткие и безответные люди... Жизнь смотрителя полна тревог и хлопот, он ни от кого не видит благодарности...»

К приходу «станционного смотрителя» Вика успела замерзнуть и впасть в отчаяние. Негнуцими пальцами выудила из рюкзака направление из редакции, в котором значилось название села – Рождество. «Смотритель» прочитал направление и надолго задумался.

– Далеко ехать? – потеряв терпение, спросила Вика.

– Недалече. Километров десять. Да ты не дойдешь, куда тебе... Там, в журнале вашем, не нашли никого постарше? Девчонку прислали! – возмутился «смотритель». Вика проглотила «девчонку» (обижаться было глупо).

– А доехать – нельзя?

– Доехать можно, токо не на чем. Машин-то сегодня не будет, ушли машины-то, трактора токо остались, – втолковывал Вике «смотритель». – А ты небось думала, ждуть тебя будут?

– А на тракторе – нельзя?

«Смотритель» как-то странно на нее посмотрел. Вике показалось, с жалостью.

– Эх, ты... горе! Ну, раз приехала, сиди, грейся, а я пойду за трактором.

Вику разморило в жарко натопленной будке, и она нечаянно заснула. Разбудил ее мужичок в лохматой шапке и полушубке – тоже лохматом. Он здорово смахивал на медведя, и Вика решила, что он ей снится. И тут медведь снял шапку и ухватил ее за плечо огромной мягкой лапой. Вика дернулась из цепких медвежьих лап – и проснулась...

– Вставай, вставай, дочка! Ехать пора, – бормотал медведь и тряс Вику за плечи. – Отвезу тебя в Рождество, раз такая надобность. Счастье твое, что я в мастерских задержался, а то уехал бы, и топала бы десять километров на своих двоих. Или – домой воротилась?..

Слова сыпались из него, как разноцветные бусинки, и Вика улыбнулась. Мужичок ей чем-то нравился, с ним Вика чувствовала себя под защитой. Он так заботился о ней (а ведь впервые встретил!) Как папа, подумала Вика.

– Нет, мне домой никак нельзя, мне очерк писать надо – о трактористе из вашей деревни. Дементьев Иван Арсеньевич. Знаете такого?

– Как не знать... – ответил мужичок и распахнул перед Викторой дверь. За дверью стояла новенькая «Нива».

– А я думала, мы на тракторе поедем, – сказала изумленная Вика. Мужичок вздохнул. – Ты вот что, дочка. Жить будешь у меня. Жена тебе утресь блинцов напечет, она у меня по этому делу мастерица... Ты блинцы-то любишь? (Утресь, блинцы... это все арготизмы, надо бы в очерк вставить – соображала Вика, у которой всегда были пятерки по стилистике).

– Поживешь, поглядишь... – продолжал между тем мужичок, – как оно, в деревне-то, зимой-то... А трактора в ремонтных мастерских зимуют. Захочешь поглядеть, отвезу. Одна – даже не думай! Здесь, видишь, барышень-то городских не очень любят. А со мной везде можно, хошь в мастерские, хошь куда...

Вика сразу поверила, что с ним – можно: от него дружелюбными теплыми волнами исходила спокойная уверенность. «А к Ивану Арсеньевичу Дементьеву меня отведете? Или одну отпустите? – пошутила Вика. – Мне о нем очерк написать поручили».

– Ну, раз поручили, пиши, – согласился мужичок. – Пиши, дочка. Я тебе газетки летошние найду, там все прописано – и про рекорды, и про премию... Пиши!

– То есть как это – пиши? Вы мне что, газеты переписывать предлагаете?! – Вика даже порозовела от возмущения. – Я интервью у него хочу взять! От него хочу все услышать, а не из старых газет!..

– Да какие ж они старые? Летошные газетки, поискать токо надо... – Мужичок словно не слышал Вику. – Счас приедем, поужинаем, да и спать пора. А утресь баньку истоплю. Бани-то деревенской ты небось не видала? Ну вот, значит, попаришься... Денег с тебя не возьму, живи сколь надо. А с разговорами ко мне боле не приставай. Я это – Иван Арсеньевич. Я самый и есть. И чтобы никаких интервью, и не заикайся об этом! – прикрикнул он на изумленную Вику. – Осс-споди! И как тебя токо родители отпустили одну, в нашу глухомань!

Вот так бесславно все и закончилось: не помогли ни уговоры, ни слезы. Даже Зоя Степановна, жена знаменитого тракториста, ничего не смогла сделать. – «Он у меня такой! – с гордостью объяснила она Вике. – Как скажет, так и будет все по его... Ты не реви, я газетки тебе найду, там все про него прописано!»

И Вика взялась за газеты... О том, как она писала свой первый очерк, Вика не рассказывала никому.

Иван Арсеньевич уезжал, когда Вика еще спала, домой возвращался затемно. Сквозь сон Вика слышала, как он спрашивал жену – о ней, Вике.

– Ну, как она тут?

– Да целый день по деревне бегала, с разговорами приставала ко всем... Мужики говорят, настырная девка-то, не отстанет, пока все не выпросит и в блокнотик свой запишет. И вопросы задает дельные, не в бровь, а в глаз – вопросы-то! Мужики-то грят, в корень смотрит девка, а ведь только вчера приехала!

Еще Иван Арсеньевич интересовался, хорошо ли Вика ест, не замерзла ли она, ведь весь день на морозе, не забыла ли жена положить на печку Викины валенки (валенки были «командировочные», выданные Зоей Степановной). «Как о дочке заботится!» – улыбалась Вика. А Иван Арсеньевич тихо входил в ее комнатку и заботливо укрывал Вику поверх стеганого одеяла тяжелой меховой дохой. Доха пахла сеном и парным молоком, которым Зоя Степановна «отпаивала» Вику. И всю ночь ей снились поросшие высокой травой луга в теплом солнечном свете...

Через четыре дня Вика уехала, увозя с собой багаж знаний о том, «как оно – на селе живется и работается». Багаж был приличный, хоть и уместился в небольшом блокноте. О том, сколько всего за эти четыре дня уместилось в Викином сердце, она не рассказала никому. На станцию ее отвез Иван Арсеньевич. Зоя Степановна на прощанье расцеловала Вику в обе щеки и сунула ей узелок. – «На вот, пирожков горяченьких на дорожку тебе напекла». И Викино сердце дрогнуло, словно прожила она здесь не четыре дня, а четыре года... Трудно уезжать навсегда от хороших людей, поняла Вика нехитрую истину.

В поезде Вика развязала узелок. Кроме пирожков, в узелке обнаружился шарфик с затейливым орнаментом, связанный из козьего пуха, и такие же варежки. Варежки и шарфик хранятся у Вики до сих пор.

Принимая «работу», главред одобрительно улынулся: «Молодец! Очерк поставим в номер. Стиль хороший, и фактический материал богатый! Пиши, Виктория, будем печатать». От похвалы главреда у Вики словно выросли за спиной крылья, и хотелось взлететь. Теперь в каждом номере журнала (ну, пусть не в каждом, пусть через один) будет ее, Викин, очерк. На молодого автора обратят внимание читатели. О ней будут говорить: «...Коробову читали? – Здорово пишет! Не просто говорит о проблемах, а предлагает перспективы их решения! Молодец!». – Да это не я, это механизаторы предлагают, – скажет им Вика...

Но время шло, а Викины очерки в журнале так и не появились. – Опубликуем, не переживай! – говорил ей главред – Ты давай, пиши... И она писала. Моталась по командировкам, тряслась в разбитых грузовиках по ухабистым проселочным дорогам. Ночевала в сельских клубах, в помещении школы (в гулкой пустоте коридоров Вика отчетливо слышала чьи-то шаги, и всю ночь не сомкнула глаза), а однажды – в правлении колхоза, где ей пришлось спать на деревянной скамье. К трудностям Вика не то чтобы привыкла, скорее – притерпелась. И с упованием писала... Ничего, ее время еще придет. Напечатают.

Напечатали. Все одиннадцать очерков – в одном номере. «В этом номере мы публикуем подборку статей молодого автора Виктории Коробовой о жизни и проблемах села» – с ужасом прочитала Вика. И далее – петитом (самым мелким, неудобочитаемым шрифтом, от которого рябит в глазах!), наполовину сокращенные (о чем Вику даже не потрудились поставить в известность!) – все ее одиннадцать очерков подряд... Кто же их будет читать? – уныло думала Вика. – Даже если начнут, прочитают один-два и бросят. Это как съесть сразу десяток пирожных – вкусно только первые два, а потом в тебя уже не лезет... Отчего же главред этого не понимает?

Вике хотелось плакать. Несколько месяцев работы – в одном номере, петитом, чтобы сразу читать расхотелось! А она-то мечтала, как в каждом номере будут мелькать ее очерки – яркие, красочные, интересные! Вика потратила столько времени, столько сил, чтобы – были интересными, чтобы хотелось дочитать до конца и ждать с нетерпением следующего... И вот – «гуртом» все одиннадцать, петитом и немилосердно сокращенные. Вика присмотрелась и охнула: очерки «порезали» жестоко, оставили голую схему. А детали – изъяли. Вырезали все человеческое, живое, доброе из Викиных очерков – словно душу вынули. В них остались одни сухие факты. А жизни – не было!

– Ну, Виктория, рада? Напечатали тебя, как обещали! – преувеличенно бодро приветствовал Вику начальник. – А чем это мы недовольны? Может, ты хотела на первой странице себя увидеть?

– На развороте она хотела. С портретом! – услужливо подсказали сотрудники. И Вика не выдержала, заплакала. Ее обступили, тормошили, расспрашивали: «Викуль, да что с тобой? Может, дома что случилось?». Никто ее не понимал. Никто не сочувствовал. Ведь напечатали! Эка беда – петитом...

– За тобой, Виктория, фуршет – с первой публикации! Как говорят, лиха беда начало! – улыбались коллеги. Лиха беда... У нее – беда. А они радуются, фуршета ждут. Им бы только праздновать. Ведь не с ними такое сотворили, – с ней, Викой!

Вика вытерла слезы, огляделась растерянно. В улыбках ей привиделась тщательно скрываемая ненависть. Привиделась ли? Вика посмотрела внимательней. – Злорадствуют, улыбаются, переглядываются за ее спиной, – мол, знай свое место, тоже еще очеркист нашелся... Получил, фашист, гранату?

– А знаете, кто вы? Вы все? – вдруг спросила Вика.

– Ну и кто же? – проявил интерес коллектив редакции, не ожидавший такого от Вики.

– Вы все сволочи.

– Круто! – «оценил» в наступившей тишине старший редактор. – А главный редактор у нас кто?

– А главный редактор – главная сволочь! – мстительно улыбнувшись, довела до сведения сотрудников Вика. И стала собирать вещи...

Из «Колоса» она ушла. И очерков с тех пор не писала – ни одного, хотя именно по очерку с блеском защитила диплом. – Отбили охоту...

После истории с «Колосом» Вика два месяца пролежала пластом. Не хотелось ни есть, ни пить. Ни жить. И невыносимо болела голова. Депрессия в тяжелой форме, – определил врач. – Ты пойми, депрессия это вовсе не хандра, это болезнь! Тебе нужна немедленная перемена обстановки. И нечего тут «умирающего лебедя» изображать! Не в постели валяться, а работать! Иначе не выздоровеешь. Нашла, понимаешь, из-за чего переживать... А повеситься не пробовала? Говорят, от депрессии первое средство, – улыбнулся врач. Вика подняла на врача злые глаза: «Не дождутся! Такого удовольствия я им не доставлю».

Через две недели она устроилась редактором в НИИ водного транспорта. Институт издавал научные труды, при нем была аспирантура, и работы у Вики хватало. Даже домой приходилось брать, когда не успевала. Теперь она работала с другим контингентом: аспиранты, кандидаты наук, начальники отделов. Вика перечитала институтские лекции по курсу редакторской этики – ведь ей приходилось работать в тесном контакте с авторами научных трудов...

Авторам нравилась тихая сероглазая девушка, под руками которой преображались и обретали ясность и изящную композицию их тяжеловесные научные мысли. Редактируя текст, Вика никогда не настаивала на своем варианте, она всегда говорила «мы». – «Мы с вами сделаем вот что...». «Давайте попробуем поменять композицию и переставить эти части местами.

Вы мне поможете? Одной мне не справиться!» – улыбалась Вика, и ее хотелось слушать, с ней хотелось работать.

– Да вы просто волшебница! – говорили авторы, читая свои статьи, отредактированные Викой. – Замечательно пишете!

– Да это не я, это вы пишете, – смеялась Вика, – я только редактирую.

Вика привыкала к кандидатам и докторам наук, как когда-то к сельским механизаторам. И приводила в божеский вид их научные труды, забыв, что когда-то писала сама. Она проработала в НИИ пять лет, когда грянули «веселые» девяностые... Финансировать госпредприятия новое правительство не хотело: они, по его мнению, были убыточные, и их спешно перевели на самоокупаемость, превратив в акционерные общества. А сотрудников, соответственно, в акционеров. Вике тоже полагались акции предприятия. Она с нетерпением ждала – сколько ей дадут за пять лет работы. Дали «щедро»: семьдесят процентов зарплаты в рублях, тридцать процентов акциями. Иначе институту не выстоять, сказали Вике. О том, как выстоять на таких условиях самой Вике, руководство НИИ не думало.

Для Вики это было ударом: их редакционно-корректорская группа стала для перешедшего на самоокупаемость НИИ обузой, балластом, который выбрасывают при перегрузке. «Выбросили» и их: корректоров уволили по сокращению штатов, а редакторов не тронули, но зарплату установили такую, какую раньше получали корректора. Больше всех повезло машинисткам: их разобрали по отделам на инженерные должности (с соответствующими окладами). Машинисток сократить не получалось: кому ж тогда печатать? Зато от редактирования отказались с легкостью.

– Сами отредактируем, невелика наука! – заявили уважительные когда-то аспиранты и любезные когда-то доктора наук, путавшие стилистику с орфографией, а о композиции текстового материала не имевшие никакого понятия (оно и понятно, у них другая специальность). – И получили полное одобрение со стороны директора института.

Но и это еще не все! Из урезанной наполовину зарплаты тридцать процентов платили акциями, не имевшими пока никакой ценности и не дававшими дохода. «Надо потерпеть, товарищи! Иначе НИИ не подняться, не будет ни денег, ни госзаказов, – объяснили на собрании акционерам. – А тем, кто этого не понимает, лучше из института уйти.

Вика – не понимала. Устроилась в издательство «Современник», где после окончания школы полгода работала корректором. Ей невероятно повезло: все редакторские ставки были заняты, но одна редакторша уехала с мужем в заграникомандировку, на три года.

– Пойдете на временную ставку? Только учтите, через три года вам придется уволиться, – предупредила Вику инспектор по кадрам. Вика ее почти не слушала, была на седьмом небе от радости: она редактор «Современника»! О такой карьере можно было только мечтать: «с улицы» в издательство брали только корректоров и машинисток. А Вику взяли редактором! Пусть временно, за три года много воды утечет, увидят, как она умеет работать, и оставят в штате.

Вика, что называется, показала класс. Сказались и полгода работы корректором, и пять лет редакторской работы в НИИ, Вика работала на совесть, и начальник был ею доволен. Но через год неожиданно объявилась сотрудница, на чью ставку временно оформили Вику: что-то там не сложилось с командировкой, и они с мужем вернулись из Лаоса в Москву.

Зав. редакцией развел руками:

– Жаль, конечно, но ставку придется освободить, тебя ведь оформили на период отпуска нашей постоянной сотрудницы. Так что ты у нас больше не работаешь...

– А куда же мне теперь?

– Ну... Если только в корректорскую... Там ставка свободная есть. Пойдешь?

– Пойду, – обреченно кивнула Вика. Уходить из «Современника» не хотелось. Ничего. Она еще свое возьмет!

В корректорской она проработала три месяца. Больше не выдержала: хотелось настоящей работы, а приходилось тупо сверять машинописный текст с оригиналом. Еще хуже была вычитка рукописей, а от корректуры типографского набора Вику просто тошнило. От ненавистного петита и непарели (мелкий типографский шрифт, применяется в изданиях, не предназначенных для сплошного чтения: справочная литература, подписи под рисунками, библиография, небольшие тексты справочного характера) уже через час тяжелела голова, в глазах мельтешило и рябило... А еще было очень обидно: корректор с красным дипломом журфака! Золотыми слитками гвозди забивают, сказал бы Викин бывший начальник.

Вика набралась смелости и пошла в отдел кадров.

– Больше не могу. Переведите хотя бы младшим редактором, у меня же диплом... Я согласна!

– Согласна она, – передразнила Вику кадровичка. – А ставка занята. Вот когда освободится, приходи...

Но никто из издательства не увольнялся, и вожденная ставка не освобождалась... И однажды Вику вызвали в отдел кадров.

– Вы на должность младшего редактора перейти хотели? Ставка есть, пишете заявление, – сказала Вике инспектор по кадрам. И другим, дружелюбным голосом, спросила:

– Ты Аллочку-то видела уже? Знаешь?

– Какую Аллочку?

– Что значит, какую! – возмутилась кадровичка. – Аллу Корягину, писательскую внучку. Все издательство гордится, что она у нас работает, одна ты ничего не знаешь...

– А что она окончила? Литературный институт или МГУ?

– Да какой институт... Дед у нее писатель, лауреат! Эдуард Корягин.

Вика запоем читала Эдуарда Хруцкого. Об Эдуарде Корягине она слышала впервые. Писатель! Знает она таких «писателей». Издадут с грехом пополам сборничек, который и читать никто не станет, и пыжаты всю жизнь: писатель... Озвучивать свои мысли Вика не стала, слушала молча. Она согласна на любую работу, лишь бы уйти из корректорской.

Эту самую Аллу Вика должна была «взять под крыло» и обучать всем премудростям работы редактора – «ненавязчиво», чтобы не обидеть внучку именитого дедушки. – «А институт она окончит, дадим направление от издательства и примут ее на журфак МГУ вне конкурса, – решила проблему кадровичка. – С такой-то фамилией...»

...Для Вики начался настоящий ад. Работать приходилось за двоих, и она едва справлялась. Писательская внучка приходила на работу ближе к обеду. Сидела за стол и принималась красить ногти, накладывая слой за слоем перламутровый и розовый лак. Запах в комнате стоял невыносимый, но Вика молчала. Потом Алла шла в буфет – пить кофе и строить глазки всем мужчинам моложе пятидесяти. Потом листала журналы мод и обзванивала подружек: «Ирка, привет! Как жизнь? Учишься? А где?.. А я в «Современнике» пашу, редактором... Что? Тяжело? – Да нисколько мне не тяжело, все говорят, что я прирожденный редактор, дедушкины гены по наследству передались. И зачем пять лет в институте учиться, не понимаю!»

Не понимала Алла многого. Она даже писала с грамматическими ошибками. Вика вспомнила институт, где им два года читали курс «Современный русский язык» (не тот, что учат в школе, а гораздо, гораздо сложнее...), и еще три года они раз в полугодие писали диктант – повышенной сложности, вместо зачета. Диктантов боялись все: за три ошибки (любых, включая пунктуацию) полагалась оценка «удовлетворительно» с обязательной пересдачей диктанта. За четыре ошибки ставили «неуд» и исключали из института.

Ребятам на Викином факультете было мало, они учились в основном на ХТОПе (факультет художественно-технического оформления печатной продукции, говоря человеческим языком – художники-иллюстраторы). На редакционно-издательском факультете ребят было всего семеро, а к пятому курсу остались одни девчонки: последних четверых ребят отчислили на

четвертом курсе, за ошибки в диктанте, к ужасу всего факультета. Вика до сих пор вспоминала диктанты с дрожью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.